

Анастасия Туркова

Морана: долг рода

Анастасия Туркова
Морана: долг рода

«Автор»

2026

Туркова А.

Морана: долг рода / А. Туркова — «Автор», 2026

За что Морана, воеводина дочь, должна расплатиться? Верой и правдой служил царю её род! Но отчего-то навь забирает жизни её родных и простых людей, зачем-то снится ей голос хриплый да подземелья. Видно, пора звать самого волка и отправиться за ответами в те места, где граница с навью истончилась.

© Туркова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анастасия Туркова

Морана: долг рода

Глава

Которую ночь просыпалась Морана от сновидений жутких. Подземелья в них тянулись вокруг неё без конца, запутывая и множа эхо. Капала вода со ржавых цепей, сама сгустившаяся тьма всматривалась в её лицо. И чудился ей голос, зовущий её по имени, хриплый, подначивающий. Во сне отступила она назад, готовясь к бою, и хрустнул под её ногой череп человеческий. Хлынула из него тьма, оттуда полезла нечисть, а потом Моргана проснулась взможа, напуганная и злая.

Видно, на ней так сказались вести дозорных: то и дело видят нечисть у заброшенного храма, а седмицу назад пропал в тех местах пастух с половиной стада. Гиблые там места, люди их стороной обходят. Уж давно никто там не живёт, всё в окрестностях травой поросло да обрушилось, а всё одно: идёт молва, что порой доносится оттуда звон колокольный.

Делать нечего: решилась Морана, воеводина дочь, на разведку. Кому идти туда, если не ей, с детства к дозорам приученной да силой нави отмеченной? Посмотреть те места надобно да разобраться с причиной появления нечисти, с причиной её снов навязчивых.

Триста лет назад

В тот год вся Русь плясала и гуляла, праздновала победу над кочевой ордой, освобождение сёл и деревень, конец произволу и непомерной дани. Родовались стар и млад, и даже, наверное, лесные медведи. Павших проводили в последний путь, а затем постепенно вернулись к своим делам. И не заметили, как в местах самых кровопролитных сражений истончается грань между миром живых и миром мёртвых. Слишком много крови впитала земля, слишком много ужасов помнила. Мало того, что души на покой не ушли, так ещё и нечисть с того света полезла.

Второй раз вышли люди на бой. Где-то сразу нечисть упокоили, где места сражений были небольшими, а где-то любые усилия были напрасны. Царь призвал союзников-греков из далёкой Византии, известных своей лютой неприязнью к тёмной силе. Вместе отбили Новгород и Муром, и для надёжности позволил царь на местах побоищ крупных поставить по своему или иноземному храму. И разрешил грекам оставить при них монахов для обмена знаниями и в знак признательности.

Но осталось три места, где ничто не сработало, где не удавалось одержать победу. Тогда царь по совету бояр обратился к древнейшей силе, к Кощею Бессмертному, властителю нави. Обещал сокровища редкие, диковинки и дары, какие попросит. Лишь бы помог царскому сыну Ивану удержать те форты и города, да своей жизни не лишиться.

Три дня и три ночи тянулись, как вечность, пока не прискакал на костяном коне с огненными копытами страшный гонец Кощея. Молвил он царю: Кощей поможет войскам и царевичу за 20 сундуков золота и 200 собольих шкур. Кроме того, семеро сыновей боярских должны были в бой пойти. Самые могучие воины отвлекли бы нечисть на себя, защитили бы царевича-главнокомандующего, пока Кощей колдовал бы.

Сразу согласился царь. Отправил Кощею плату, повелел боярам снарядить сыновей. И наказал после победы земли те проклятые Кощею отдать во владение, чтобы никогда больше оттуда не полезла нечисть. Попросил властителя нави возвести курган над павшими и дать тем душам своих воинов и греков-помощников покоиться с миром.

Решение всем по нраву пришлось, кроме воеводы. На его землях был самый жуткий прорыв, его земли отнял государь, чтобы вручить Кощею. Ещё и сына требовал послать на верную смерть, отрока талантливого, единственного. Что останется у воеводы после такой войны? Терем, три деревни, прерванный род и пустая казна. Решил старый вояка, что не бывать этому никогда. Своими силами справится, не отдаст сына, и земли сохранит. Выслал вместо сына крестьянского отрока в дорогах одеждах да заезжего колдуна с наказом Кощея отвлечь, чтобы подмены не заметил.

И, когда вошли войска да боярские дети в навь, знатная битва была. Успешно отбивали форт от морских чудищ склизких, по всей стене стояли. А за спинами их, в башне маяка, колдовал Кошей, брешь между мирами сшивая. Но крестьянский сын, что от воеводы пришёл, не распознал подлую уловку врага, сильно ранен был, продавили враги оборону. Сам царевич встал рядом с ним, да Кошей обернулся, дабы не допустить непоправимого, и тоже немало ран получил, яростно круша врага. И в этот момент вмешался в чары Кощея колдун, отвлекая. Роковым стал тот миг. Великая Кошеева волшба заперла нечисть на дне морском, затянула брешь, да не полностью, лишь на сотню лет. Сам Кошей почти дочиства свои силы вычерпал, защищая живых людей в нави и умиряя орду нечисти. Да ещё обратно в мир живых провести всех бойцов нужно было.

Воевода вернувшихся встречал сам, подле Кощея угодливо вертелся, вовремя кубок вина с кровью преподнёс, чтобы властелин нави силы восстановил хоть отчасти. А колдун им нанятый тем временем спешно латал царевича вместе с целителями. Но только хуже сделал, забыв в суматохе: следы сотворённой им чёрной магии не только Кошеевому колдовству вредили, но и всему живому. Не выдержал этого царевич, умер на поле боя. И таков был гибельный след колдовства на нём, что пришлось в нави его тело оставить, подальше от людей, не касаясь лишний раз.

И под стать тому дню разлился по небу багровый закат-пожарище. Оплакивал наследника царь, робко радовались простые люди победе над нечистью, проливал лживые слёзы сострадания воевода подле Кощея и царя, стремился угодить обоим да всячески свой вклад в дело подчёркивал. Рассказывал, как старался на благо своей земли. Немало злата и почестей получил он тогда. И земли свои сохранил почти все: только один холм взял себе Кошей. Тот самый, на котором брешь была и где греческий храм стоял, пустой и бесполезный.

Так немало дней прошло прежде, чем вскрылся обман воеводи. Шила в мешке не утаишь, а сына боярского на Руси — и подавно. Разгневался царь, казнил неверного подданного. И главенство в роду вместе с местом воеводы брату хитреца передали, честному и умелому воину, который с тех пор владения свои защищал от вылезающей изредка нечисти. И дивился, обнаружив у потомков своих редкий дар колдовской, будто бы данный самой навью и зовущий к ней.

Причём сам Кошей не позволил царю в гневě весь род предателя истребить. Улыбнулся остро и поведал, что теперь так или иначе потомок воеводы ему и всему миру послужит, вольно или невольно. Будет уплачен долг, вернётся к жизни царевич, и тогда только появится на гиблом месте курган. Тогда и закроет властитель нави брешь, в этот раз насовсем.

А про то, что пригорок с храмом Кощею отдан, люди скоро забыли за давностью лет. Ведь среди людей Кошей не ходил, лишь по изнанке, в нави, там, где храм иначе выглядел: как форт с маяком. Тот самый храм, приютивший в тайне ото всех тело Ивана-царевича.

На плечи Мораны лёг чёрный расписанный цветами шёлк платья. Кожаная полоса ремня утянула ткань на талии, очертились под складками округлые бёдра. Расшитый дивными павлиньими цветами кафтан принёс с собой тепло. Руки привычно стянули серебро волос в косу

и отпустили её свободно лежать вдоль спины. Лёгкие сапожки, кинжал на поясе, сумка с травами, кошель, перчатки — в порядке должно быть всё.

В высоких резных окнах как раз догорает закат. Обращается дневное небо в золу, поблёскивают в нём колдовские самоцветы звёзд. Прямо как в ту ночь, когда она родилась. Тогда полночь полыхала созвездиями, вьюга пела, крутила сверкающие снега. Серый волк воеводы прижал уши: чувал колдовство, вместе с ней пришедшее в мир. Вышел волчара к самому крыльцу, когда младенца вынесли, и принялся, запомнил и принял воеводину дочь. До сих пор ей служит верой и правдой.

К нему и сейчас девица пошла, ночью майской. Миновала она коридоры с караулами, ступени резные, ряды высоких подсвечников. Никто колдунью не останавливал, зная, что и она ходит в дозоры, чтобы нечисть обуздать, за простых людей бьётся.

Волк неслышно выступил из теней в саду, ткнулся носом ей в живот, прорычал вопросительно:

— В забр-рошенный храм, Мор-рана?

— Именно, — хмыкнула воеводина дочь, — сама на него взгляну. Говорят, нечисть оттуда полезла снова.

Привычно запрыгнув на волчью спину, она приготовилась к долгому пути: до края поселений, через реку по мосту-настилу, по кромке дремучего леса. Мощный зверь насмешливо оскалится и понёс хозяйку, куда приказали, оставляя позади терема и избы с сараями.

— Пр-родали хр-рам пр-рислужники цар-ря, — напомнил зверь на бегу, преодолевая ветер. — Тр-ретью сотню лет уж. Мр-рак там, плесень, подвалы затоплены и обр-рушены, говор-рят. Монастыр-рь др-ревний под землю ушёл со всей утвар-рью, сокр-ровищницей да золотыми изр-разцами. Утянула людей земля, не спасли пр-ришлые гр-реческие стар-рцы, забр-рала их р-русская навь.

— Гордишься этим, что ль? — Морана недоверчиво нахмурилась. — Погибли люди зря. Хоть и чужда мне вера та, а жизни оборвавшиеся тяготят. И свитки жаль, знания прошлых лет, летописи, откровения. Искали люди правду, а нашли смерть в ядовитом тумане пещерном, в подвалах своих.

Волк лающе рассмеялся, напрягся и перемахнул через корягу, едва не шаркнул боком по шиповниковым кустам. Морана вжала колено в его мохнатый бок и вцепилась в жёсткую шерсть крепче.

— До р-рождения твоего не так говор-рили. Не гор-рели там никогда свечи с чер-ртополохом, не мудр-рые гр-реки собир-рались там. Там пр-ризывали навь, Мор-рана. Потом пр-родал цар-рь пр-роклётую постр-ройку под снос и кур-рган поставить потр-ребовал над умер-ршими. А кто пошёл исполнять указ — не вер-рнулся. Да ты сама на это посмотри-ри!

Волк уже не перекрикивал ветер, а приглушённо рычал, бежал медленнее и замер в высокой траве у леса. В просветах между стволами и кустами угадывалась отсыревшая каменная громада, а перед волчьими лапами в траве гнило тело какого-то крестьянина с перекошенным от ужаса лицом.

— Покойся с миром, — шепнула Морана и накрыла ему глаза листом папоротника. — И зря ты беззащитным сюда пришёл, любопытный старый дурак. На кого только семью оставил! И подворье! Ну да что уж теперь.

Зверь пошёл с Мораной бок о бок и замер, когда деревья отступили, открыв вид на сырой, облупившийся вход и толстенные стены. Чернели провалы окон, пустые проходы множили совиный крик. Где-то капала вода, явно стекавшая по колоннам и сводам.

Морана подобралась, прислушалась.

Волк наклонил голову к ней поближе и тихо рыкнул:

— У гр-реков бог спр-раведлив и стр-рог, как Пер-рун. Может, стр-роже. Но дичь он не жр-рёт. А я чую запах кр-рови и стр-раха. И навий мор-рок. Пр-ри этом пр-роход пуст. Пятьдесят лет назад тут опр-ричники всё истоптали, а с тех пор-р не р-разведывал никто.

— Внутрь я пойду одна, жди неподалёку, — распорядилась Морана. — Вижу, что истоптали. Но не в полную луну они здесь были, не колдовали. Голос нави не понимали. Я сама посмотрю, что внизу.

— Не умр-ри, — попросил на прощание волк.

Шаги Мораны множили шорохи, отдавались от стен, сливались с журчанием неизвестно где текущего ручья. С высоченных каменных сводов безмолвно свисали цепи. На одной из них даже держалась целая круглая подсвечница в каплях воска. Ещё один подсвечный круг кто-то оторвал и бросил в углу. Повсюду были наставлены какие-то чугунные котлы, наконецники копий, чаши и всяческие кованые предметы. Вода, наверное, оставшаяся на крыше после дождя, иногда попадала на металл и издавала мелодичные трели. Казалось, поёт, заманивает сама навь.

— У-у-уххх-ху... — донеслось из-под потолка требовательное совиное клёкотанье.

Где-то заскрипела изношенная дверь.

— Знаю, — молвила Морана, улыбнулась сове и зажгла свечу. — В этом месте звучали голоса, и ему не должно молчать вот так.

В груди привычно теплело и покалывало, колдовская сила рвалась наружу. Морана глубоко вдохнула, расправила плечи перед тем, как запеть. Теперь слова рвались из неё сами, она не выбирала их. Позволила самому этому месту брать её силу и заговорить с ней: восстановить забытое, дать ответы. Слова звучали её голосом и открывали ей правду.

Катилось эхо, катилось,
Со мраком силой делилось,
Со словом вместе звучало,
Явь с навью крепче сшивало.

Внимали древние стены,
Приняв ту жатву, как цену.
Открылись скрытые двери,
Опали цепи со зверя...

Морана встревожилась: ей не нравилось, куда вела песнь. Она попыталась направить сказ своей волей, желая привести его к счастливому концу и разгадке тайн, но непослушные губы складывались в опасные слова против воли. Горло вибрировало, звук слился с перезвоном цепей под потолком, а вода зажурчала совсем близко.

Моране показалось, что скоро поток хлынет сюда, не даст ей выйти. Но пока было сухо, только воздух набивался в грудь, не насыщая. Мешал дышать пудровый запах тумана. Она сжала бледными пальцами край кафтана и вывела следующую строку:

Летит монета над бездной,
Лови, пока не исчезла!
Пока оплачен проход,
Спускайся вниз и вперёд.

Знай, что навь тебя ждёт

С долгом жизни и мёдом,
Меж войной и свободой...

Морана резко развернулась и зашагала к выходу, не желая озвучивать последующие слова. Но какой-то скелет в мантии перекрыл выход. Он недвусмысленно указывал на спуск в подземелье. Тем временем с губ сорвались недостающие звуки песни:

Что воевода разрушил,
То вернёт его род.
То Кощеево слово:
Душа в уплату за душу.

— Насмехаешься? — зло выдохнула Морана и уставилась в пустые глазницы.

Речь снова подчинялась ей. И волк тоже, кстати. Один свист, — и он мигом утащит эту грудку костей похрустеть в лесу.

Но за плечом скелета не было больше привычного леса. Не было яви. Там клубился туман и стелилось поле, пустое поле междумирья.

Скелет хрустнул кистью. Из мешочка в его пальцах выскользнула монетка, звонко ударилась об пол, поскакала в подземелье. Это стало единственным звуком на многие вёрсты вокруг.

А перед глазами Мораны вспыхнули недавно явленные ей указания: «Летит монета над бездной, лови, пока не исчезла, пока оплачен проход, спускайся...».

— С Кошеем наш род точно бесед не вёл и в долгу не был, — сама себе проговорила Морана, спускаясь за звенящей монетой. — Осмотрюсь и вернусь домой. Чем тут помочь и что тут было, обдумать надобно. Ты уж расскажи о былом без утайки, Кощей.

Морана чуть нервно улыбнулась очередному увиденному черепу. Считалось, что Кощей мог смотреть через глазницы мертвецов на мир и говорить их устами, как бы далеко ни было место его обиталища.

А волк тем временем видел: скоро займётся заря. Давно стихло в брошенном храме эхо голоса и шагов. Он неспешно поднялся из росистой травы, вбежал под своды храма и тявкнул. В ответ — тишина. Ни шажка, ни голоса Мораны. Зверь обнюхал пол и углы, обошёл пустующий алтарь, коридоры и кельи. Сунулся в глубины подвала, но упруго спружинил воздух, отказался его впустить. Волк зарычал с угрозой, клацнул челюстями. К нему из тьмы подземелья один за другим выходили скелеты в мантиях, и в громоухании их костей отчётливо слышалось:

«Навь. Навь. Навь».

— Уйди, живой. Помощник, — прошамкал первый скелет волку. — Долг отдан полностью. Воля царя исполнится. Храм станет курганом на рассвете, земля покроет его. Беги к выходу, время пошло-о-о.

— Вер-рни Мор-рану, — рычал волк, упираясь всеми лапами в ступени. — Воеводин пр-рапрадед был вам должен. Не она. Не добр-ровольна жер-ртва. И дева это, не сын!

— Солгал предок-воевода, так не отдал сына в обмен на помощь, — клацал скелет. — Но Кощей милостив, примет деvu-потомка заместо сына. Передай, волк, что долг уплачен.

Камни под лапами затряслись, с потолка посыпалось, и волк, резко заскулив, махнул к выходу. За его спиной обрушивались своды и стены. Ослабленный дыханием нави, он едва сумел выбраться. И теперь смотрел, как облако пыли оседает на растущий земляной холм. Вскоре земля скрыла под собой последний камень злополучного храма, проданного Кошеем в незапамятные времена. Волк, дрожа, переступил с лапы на лапу. Поднял отчаянные глаза к рассветному небу и завыл.

— Скулишь, как псина. — Древняя лесная кикимора, дохромавшая из чащи до волка, надменно улыbnулась. — Другой был бы рад-радёшенек, что ярмо с себя скинул. Забрал Кощей своё, не надо больше за родом воеводиным следить и оберегать каждого наследника до передачи его в навь. И так они тебя обхитрили, не один век служить обрекли.

Волк оскалился.

— Вер-рность себе и своему слову всего важнее. Не желаю я предать свою суть и извратиться. Не хочу в тот же миг стать нечистью лесной, губящей души. Др-ругом людским создан, р-разумом и шкур-рой своей я дор-рожу.

— Шкурой и поплатишься! — Кикимора расхохоталась. — Из лесу ты вышел, а никогда в него не вернёшься. Воевода своей рукой тебя положит, за дочь-то. Или ты его после долгих лет службы жизни лишишь, обороняясь. И всех воинов его. Хорош помощничек!

Зверь сморщился, отвернулся от лукавых слов.

— Знает отец Мор-раны, как я её бер-рёг. И его, и деда, и пр-радеда его. Не осудит зря. Пойду за ней. Гнева воеводы не стр-рашусь я, стр-рашусь возмездия Кощеева. С лихвой он своё возьмёт за века ожидания.

Кикимора приблизилась к волку, всем своим сучковатым тельцем затрепетала от восторга.

— Неужели правда шкуру сбросишь, силы лишишься и тощим человечешкой в навь войдёшь? Проход открыт был для человека, и то ненадолго. Нырнёшь туда, как в прорубь, и сгинешь там. Никогда Морана тебя не узнает, ничем ты ей не будешь полезен без нюха и мощных лап!

Последние слова кричала кикимора уже вдогонку. Волк обошёл новоявленный курган, в самой густой тени остановился и молча лёг в росу. А затем крутанулся вокруг себя и ухнул в непроглядную тень нави уже жилистым человеком бесхвостым, шерстью не согретым, лишённым звериной зоркости и обоняния.

И, когда в полдень подтянулись сюда люди воеводины, хохотала на кургане кикимора. Да так, что волосы дыбом вставали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.